

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ПРЕКРАСНЫМ...

К ГАСТРОЛЯМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ им. А. С. ПУШКИНА

Я смотрю на небольшие изгибы афиш, извещающие о кратких гастролх прославленного Ленинградского театра, одного из старейших в стране. И память перекидывает меня в прошлое. Далекое оно или недавнее?..

...Человек впервые идет по улицам незнакомого города, в котором очутился неожиданно для себя и где должен прожить какое-то неопределенное, скорее всего, — очень короткое время. Идет медленно, потому что хочет разглядеть подробности окружающего, запомнить «ориентиры» — но военной привычке, а, главное, потому, что хотеть быстро пока не может: двери последнего гостиницы закрывались за ним лишь вчера. И он приехал сюда «ограниченно голим», в распоряжение отдела кадров штаба округа. Родной город — на другом конце страны. О нем говорят во всем мире. Большинство — с восторженным уважением, гитлеровцы — с яростью и досадой: «Еще держатся?».

Да, они держатся — и горожане, оставшиеся в живых, и воины, сражающиеся на ближних и дальних подступах в этой суете. Как-то там сейчас?... Стоп! Репродуктор на крыше дома зашелестел, потом заговорил: «На Сивявских болотах продолжаются тяжелые бои». Именно оттуда и попал он в ближний эвакогоспиталь, а потом санпоездом был доставлен в Сибирь. Как далеко теперь тот город!

Но... что это? Человек обратил внимание на афишную будку: «Ленинградский государственный академический театр драмы им. Пушкина. «Сумронов», «Фладриня», «Платон Кречет», «Фронт», «Русские люди». И рядом: «Ленинградская государственная филармония. Чайковский. Шестая симфония. Первый концерт для фортепиано с оркестром. Ромео и Джульетта. Дирижер Евгений Мравинский. Солист Павел Серебряков». И еще: «Ленинградский новый ТЮЗ».

И все они — не на гастроль! Столица Сибиря на пока еще не известный срок стала их основной «творческой площадкой». А в огромном зале еще не открытого театра оперы и балета, оказывается, разместились фонды Ленинградского этнографического музея и некоторые из сохранившихся ленинградских пригородных дворцов. На миг возникло фантастическое ощущение: «слизались» словно две сестры, струи Невы и Оби плескались вместе!

Гостеприимно уступил «Красный факел» свое здание знаменитым «пушкинцам». И сложилось так, что прежде, чем познаться с интересным творчеством хозяев этого помещения, мне довелось снова увидеть здесь давно любимых мастеров ленинградской сцены. И впечатления были волнующими и острыми.

Вот они — старейшины театра, несущие живую эстафету, поникшую из рук великих корифеев русской сцены, — Юлий Михайлович Юрьев и Екатерина Павловна Корчагина-Александровская, замечательная актриса и крупная общественная деятельница, которую сибиряны след за ее земляками очень скоро стали называть уважительно и ласково: «Тетя Катя».

Среди выходящих сценических работ Ю. М. Юрьев особенно запомнился мне еще по Ленинграду его Арсений. Был у меня в спектакле «Маскарад» любимый эпизод. Вы, конечно, помните арсенийский вопрос: «Браслет потерял?»! У Лермонтова тут есть ремарка: «прозрачительно смотрит на Нину, сложив руки». Юрьев иногда делал так и как бы доирал автору разделял эту реплику живоаналогично. И действительно на две части. Почти в бессмысленные, поспрашивая кулаками над головой, бросался Арсений издала и Нине с громкоподобным воплем: «Браслет-есть!». Но вдруг усилием воли сжавшая себя и, сложившись над женой, очень тихо, будто заставляла себя поверить, спрашивал, почти с мольбой: «...потерял?».

В Новосибирске я увидел «Маскарад» в концертном исполнении. Актёры просто стояли и сидели в своих обычных костюмах. Волнуясь, я ждал этого эпизода. И Юрьев сумел передать полностью свой замысел только средствами голоса. И все равно эффект был поразительным. Позже мне довелось увидеть «Маскарад» в Томском театре, где исполнитель роли Арсения, вероятно, под влиянием ленинградцев, решил этот короткий эпизод в том же ключе.

Созвездие чудесных актеров разных «призывов» сверкало на каждой афише, ошоещающей и о премьерах, выпускаемых в Новосибирске, и о возобновленных спектаклях: Н. Симонов, Н. Черкасов, Л. Вильев (он был и художественным руководителем), К. Скоробогатов, Ю. Толубеев,

А. Борисов, В. Яплат, В. Меркуров, К. Адашевский, В. Гайдаров (которого я познал еще по роли красавца Париса в немом итальянском фильме «Елена Прекрасная»), Н. Вальяев, Ю. Свирин, А. Ян, Н. Рапеская, Е. Жихарева, Е. Александровская (дочь Корчагиной), О. Гвозская (сыгравшая великолепно роль Ирины в немом одноименном фильме о красотеиной актрисе), Е. Вольф-Израэль, О. Лебедев, Е. Карякина — всех не перечислить. Среди режиссеров был А. Музиль (постановщик трех из четырех привезенных теперь спектаклей).

Нало было видеть тогда Н. Симонова в роли Петра Крымова, чтобы убедиться, чего может достигнуть актер огромной силы даже в не очень сильной пьесе. Именно он сделал своего героя правдивейшим воплощением тех фанатичных «гвардейцев тыла», которые заполняли зрительный зал. А как воспринималась тогда героическая драма Франсуа Сарду «Фладриня», где речь идет о патриотизме, о борьбе народа за независимость Родины! Я видел этот яркий, волнующий спектакль в Ленинграде до войны, а посмотрев его еще раз на временной для пушкинцев краснофакельской сцене, ощутил, как атмосфера грозных военных лет и особенный эмоциональный подъем артистов рождала какой-то необычайный контакт сцены и зала. И опять-таки очень многое зависело от Николая Константиновича Симонова — воплотителя образа Де-Ризора. Я помню не только внешний облик этого человека. Слушая память позволял мне и сейчас слышать тембр и богатые модуляции замечательного, «третипного» симоновского голоса, господствовавшего тогда в зале.

И, конечно, запомнились новосибирцам также, созданные здесь ленинградцами спектакли, как «Русские люди», «Наместивие», «Фронт». Это теперь, спустя более чем два с половиной десятилетия пьесы Константина Симонова и пьесы Леониды Леонова воспринимаются как наша драматургическая классика, как пьесы, рассказывающие о страшном и героическом прошлом. А тогда показанное театром было сегодняшним днем. Оно обаяло современностью, сиюминутностью.

Это были спектакли редкостного ансамбля. Не случайно же в «Русских людях», например, запомнились не только исполнители ролей главных положительных героев Ю. Толубеев, В. Жуковский и другие. Я представляю себе, как не хотелось А. Борисову «вылезать в шкуру» мерзкого предателя, но разоблачение вредного наместника было гражданским долгом артиста. И работал Борисов с полной отдачей. Вероятно — с меньшей, чем в систематических знаменитых радиопередачах «Огонь по врагу» — вместе с К. Адашевским и И. Малайзным. Эти передачи, кстати сказать, можно назвать нагой страстицей истории не только советского, но и мирового радиовещания.

А «Наместивие»? Раскаленная, глубоко-психологическая леоновская драматургия ошела на сцене и необоримо воздействовала на сердца и умы зрителей. Вершиной спектакля был, пожалуй, эпизод допроса Федора Таланова (В. Яплат) в присутствии его родителей, которых играли К. Скоробогатов и Н. Рапеская. Неумолимо выплывала Корчагина-Александровская образ старухи Демидовны. Помню, когда я высказал ей свой восторг (разговор происходил в ее квартире на первом этаже дома № 23 по Красному проспекту, на углу Коммунистической), Екатерина Павловна задумчиво сказала: «Да ведь Демидовна-то, она кто? Это же само сердце народное, вечноное, бытает... Это уж — от Леонова. А я... как смогу».

Во время работы в Новосибирске замечательный театр внес большой вклад в сценическую Ленинграду: превалил в память образ Ильича, созданный К. Скоробогатовым в спектакле «Ленин» по пьесе Каплера и Златогоровой, и особенно — в пологиях «Ирмелинских кураках».

О многих спектаклях, знаменательных для самой истории этого выдающегося театра, можно сказать: «Сделано в Сибире».

...С тех пор прошло более четверти века. Не на короткий срок, как думалось в те дни, а навсегда остался автор этих заметок в далеком от Ленинграда городе. И вместе со всеми новосибирцами, любящими и пейзажам подлинное искусство, мне хочется от души приветствовать прославленных ленинградцев, уже выступивших со спектаклем «Дело, которому ты служишь», спектаклем о счастье бескомпромиссной ответственности советского человека перед Родиной и народом.

Успехов вам, дорогие мастера сцены!

Ворис РЯСЕНЦЕВ.